ШИЛО ВЪ МѢШКѢ, А ГРѢХЪ НА СОВѢСТИ НЕ УТАИШЬ.

Солдатъ стоялъ на постоѣ у вдовы скорняка; вдова пробивалась кой какъ; мужъ большихъ залишковъ ей не покинулъ, а нашлось рублевъ съ полтары тысячи; вдова на нихъ и торговала ложками да плошками, и кормила свою семейку. Солдатъ нашъ служилъ не первый и не пятый годъ, и знали его товарищи и начальники какъ хорошаго, смирнаго и честнаго солдата; стоялъ онъ и у вдовы на постоѣ давненько, и она на него не жаловалась, худа отъ него не видала.

Тѣмъ часомъ вдова собиралась ѣхать на ближнюю ярмарку, и всего то верстъ за пятьдесятъ, собрала деньжонки, что кой какъ сколотила за полгода, сосчитала ихъ вечеромъ не таившись отъ постояльца своего, насчитала сотъ семь, положила въ сундучишко, да и стала говорить солдату,

что ей купить надо, да на долго ли поѣдетъ, просила за домомъ присмотрѣть безъ нея, да въ свободный часъ и за хозяйствомъ, потому что она вишь ему вѣрила, какъ своему, накормила ужиномъ, да и пошла спать.

У этой же вдовы одна дочь была за мужемъ, и зять, парень не совсѣмъ путный, давно уже приставалъ къ тещѣ, чтобы выдѣлила жену его, дала бы, что причтется, отцовскаго наслѣдья; а вдова не хотѣла. — Поколѣ, говоритъ, деньжонки у меня въ рукахъ будутъ, такъ онѣ цѣлы, да еще и помаленьку прибываютъ; добро ваше не пропадетъ, дѣтей вашихъ, коли Богъ дастъ, одѣвать и обувать буду, а денегъ вамъ не дамъ; вы и меня и семью мою разорите, а сами не наживетесь; дочь моя мужа въ рукахъ держать не умѣетъ, а онъ любитъ погулять, такъ толку изъ этого выйдетъ не много. Зять наканунѣ поссорился съ тещею, да еще спохмѣлья пригрозилъ — а проспался, такъ можетъ статься и забылъ что говорилъ, и сердце прошло. Теща, осердившись на зятя, сказывала при

стороннихъ людяхъ, что вотъ де какой у меня зять: и грозитъ, и шумитъ — коли обокрадутъ меня люди добрые, либо упаси Господи, убьютъ — такъ уже знайте, что некому больше, какъ зятю!

Нашего солдата, который дожилъ до 35 годовъ безъ всякаго большаго грѣха и худаго дѣла — одолѣла грѣшная дума, да не покидала во всю ночь: украду де у хозяйки деньги да подальше запрячу — на меня никто и не подумаетъ, не скажетъ; сама хозяйка отвела весь отвѣтъ и поклепу на зятя, а я буду въ сторонѣ!

Такъ и сдѣлалъ; хозяйка встала чуть свѣтъ, да пошла выгнать корову; солдатъ нашъ чистился объ эту пору, собирался въ караулъ; не успѣла вытти за вороты, какъ онъ отбилъ замокъ у сундука, деньги вынулъ, а сундучокъ отнесъ да закинулъ въ пустую баню, на задахъ у зятя, а самъ пошолъ будто за какимъ дѣломъ, къ одному да къ другому товарищу, которые также стояли по квартирамъ, и воротился домой, когда уже воротилась хозяйка, и спохватилась сундучка. Туда–сюда стали

разбирать, спросили хозяйку, на кого думаешь, на кого у тебя подозрѣніе, не солдатъ ли? она говоритъ нѣтъ; упаси меня Богъ отъ поклепа да напраслины, на солдата своего не думаю, а некому больше украсть, какъ зятю. Стали искать: нашли у зятя въ банѣ разбитый сундучишко; принялись за молодца, посадили въ острогъ, затаскали по судамъ, держали, держали — тамъ онъ гдѣ–то и померъ бѣднякъ и жену молодую покинулъ на сносахъ; родила уже безъ него, да и овдовѣла.

Солдатъ нашъ молчитъ; ни тутъ, ни тамъ, нигдѣ на него нѣтъ наговору, никто и не догадывается, ходитъ себѣ чистъ, да правъ, словно мы съ тобой. Однако, какъ поглядитъ онъ на молодую бабенку, что осталась одна одной на бѣломъ свѣтѣ, поглядитъ ину пору на малаго ребенка, что родился на свѣтъ сиротою безъ отца, какъ поглядитъ еще и на старую хозяйку свою, которая со дня на день стала разоряться, когда украли у нее послѣднее что было и чѣмъ торговала, добывала себѣ хлѣбъ — да

какъ вспомянетъ еще къ этому, что онъ всему виной и причиной, — такъ тяжело ему становится на сердцѣ, словно камень лежитъ на груди: бился онъ долго, терпѣлъ, перемогался, хворалъ, не спалъ по ночамъ, а заснетъ, такъ мечется, да охаетъ, да бредитъ вслухъ — нѣтъ мочи совсѣмъ, хоть утопиться; только и забудетъ горе, какъ достанетъ тихомолкомъ синенькую, да напьется — а ужъ онъ сталъ и пить, чего прежде за нимъ не бывало никогда; отляжетъ тоска поколѣ хмѣленъ, а послѣ и приступитъ опять, да пуще прежняго.

Такъ сидѣлъ разъ вечеркомъ солдатъ нашъ за воротами, накинувъ шинель на плеча, да накрывши лацканомъ и лицо и глаза, словно разломило головушку, и думалъ думу, про бѣду да горе свое, что разорилъ онъ старую хозяйку свою, отъ которой опричь добра не видалъ ничего; сгубилъ занапрасно зятя ея, да пустилъ двухъ сиротъ по міру. Въ это время подошелъ къ нему однокашникъ и землякъ его, присѣлъ рядомъ, да и началъ его распрашивать: что де ты Касьяновъ не

веселъ больно? Боленъ не боленъ, а въ себѣ не воленъ; что съ тобой сталось, говори?

Касьяновъ поднялъ голову, поглядѣлъ на товарища, да вздохнулъ. Такъ, что–то сердце болитъ.

— А съ чегожъ оно у тебя стало болѣть, Касьяновъ? прежде —я тебя, слава Богу, годовъ съ двадцать знаю, зналъ еще и до службы Царской, — прежде за тобой этого не бывало, какъ не бывало и грѣха; а нынѣ....

— Молчи, не говори вслухъ! сказалъ испугавшись Касьяновъ; молчи, люди услышатъ.

— Что ты, Господь съ тобою, началъ опять товарищъ, да нешто мы съ тобой отъ людей таимся, что ли! — поглядитъ на Касьянова, а у него слезы градомъ и полились. — Послушай, сказалъ ему товарищъ, покайся хоть на духу, а ты сдѣлалъ худое дѣло. Сердце въ тебѣ ноетъ отъ того, что грызетъ тебя совѣсть. Ты, Касьяновъ, сталъ нынѣ погуливать, чего за тобою отродясь не бывало; а деньжонокъ

залишнихъ у тебя нѣтъ; гдѣ ты взялъ ихъ? Тутъ что нибудь не ладно. Вотъ съ чего у тебя и сердце болитъ, да вотъ съ чего и не спится, да и заснешь, такъ мелешь не знать что, да еще и проговариваешься; ты намедни, какъ мы съ тобой въ караулѣ стояли, что говорилъ, заснувши?

— А что я говорилъ? спросилъ испугавшись Касьяновъ.

— Ну, отвѣчалъ тотъ, тамъ ужъ что ни говорилъ, да говорилъ; ты знаешь, что я обманывать тебя не стану, а слышали, можетъ статься и ребята, того и гляди, что перескажутъ одинъ другому, и не ладно будетъ. Господь съ тобою, Касьяновъ; я не начальникъ тебѣ, я не духовникъ; а покайся самъ отъ себя, поколѣ люди не дознались, а то погубишь ты свою душу!

Касьяновъ заплакалъ, да и признался земляку своему во всемъ; тотъ сперва не хотѣлъ было и слушать: не говори мнѣ, а поди, либо скажи ротному командиру, либо попу; а мнѣ не говори; да Касьяновъ не пустилъ его, а велѣлъ сидѣть, да слушать. Я деньги укралъ у Селиверстовой, а ларецъ

закинулъ въ баню къ зятю; я и душу его сгубилъ, тѣмъ и разорилъ двѣ семьи!

— Не боишься ты Бога, молвилъ товарищъ его — не боишься Бога, и не чаешь умереть! и чтожъ тебѣ пути и проку въ деньжонкахъ этихъ? Научился пьянствовать, чего прежде и не зналъ, да вотъ отбило тебя ото сна, отъ ѣды, да покоробило, словно отъ лихой болѣзни — только и есть! что тебѣ съ нихъ радости! Всѣ что ли прогулялъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Касьяновъ, больше сотни не прогулялъ; а тѣ цѣлы всѣ.

— Гдѣжъ они у тебя лежатъ?

— На гауптвахтѣ, подлѣ печи, повыше наръ, есть въ бревнѣ гнилой сукъ и дуплина; туда я ихъ засунулъ, да и приткнулъ опять мохомъ.

— Что же ты теперь думаешь, какъ быть?

— Ничего я, братъ, не знаю; и ума не приложу; видно пойду, да утоплюсь.

— Нѣтъ, Касьяновъ, то худо ты выдумалъ, а это и похуже того. Пожалуй, утопиться не долго, какъ вотъ не долго

было тебѣ и тысячу рублевъ украсть; да послѣ что будетъ? Кого обидѣлъ ты на этомъ свѣтѣ, тому и отъ смерти твоей легче не будетъ; а души своей, хоть жерновъ на шею себѣ навяжи, не утопишь; какъ выйдешь ты на страшный судъ, такъ тебя лицемъ къ лицу, на очную ставку и поставятъ съ тѣми, кого здѣсь погубилъ, кого обижалъ, кого обворовалъ.

— Какъ же быть, братъ? спросилъ Касьяновъ, и опять заплакалъ; какъ быть, дай ума!

— Думай да гадай ты сколько хочешь, сказалъ опять товарищъ его, Воропаевъ, а не миновать тебѣ, что признаться Ротному; пусть доложитъ Полковнику, да проси, чтобъ помиловали, чтобы покончили да порѣшили своимъ судомъ, а деньги–молъ почитай всѣ цѣлы, и съ Селиверстовой–де раздѣлаемся и поладимъ, что просить не станетъ.

Касьяновъ подумалъ — да такъ и сдѣлалъ; за добровольное признанiе его помиловали, подъ судъ не отдавали, наказали своимъ судомъ, а вдова рада, рада

была, что воротила большую половину денегъ — и просить дальше не думала.

— Ну, что? спросилъ Воропаевъ Касьянова, когда тотъ покончилъ все и отдохнулъ уже послѣ наказанія; ну, что, легчель на сердцѣ теперь?

— Легко, братъ Воропаевъ; Господь тебя надоумилъ да послалъ — я бы утопился.

– И чтоже, спросилъ опять Воропаевъ, ты какъ думаешь, теперь кончено все и хлопотать намъ не о чемъ?

— Кончено все, чего же еще? деньги отнесъ, ста рублей только не хватаетъ; побить — побили, да это не бѣда; впередъ не попутаетъ меня сатана, не соблазнитъ!

— Нѣтъ, братъ, не кончено, сказалъ Воропаевъ; пойдемъ–ка со мной; и привелъ его ко вдовѣ, которая жила теперь опять вмѣстѣ съ дочерью, и жила почитай однимъ только огородишкомъ. Вотъ, тетушка, сказалъ онъ ей, пришли къ тебѣ два работника, въ кабалу: не добрый человѣкъ что укралъ у тебя деньги, покаялся, какъ знаешь — а она не знала кто укралъ, знала

только что нашли деньги — покаялся, отдалъ тебѣ что было денегъ, да вотъ еще насъ двоихъ нанялъ, чтобы цѣлое лѣто, когда не на службѣ, работали у тебя, что заставишь, въ огородѣ.

— Дай же ему Богъ спасеніе души — сказала старуха, хоть онъ и обокралъ было меня, да и вамъ спасибо! А работы вамъ найдется: надо гряды копать, надо сажать да разсаживать — спасибо вамъ, спасибо и ему.